

Благодарность автора

Как и при создании всех моих романов, считаю, что буду крайне невнимателен, если не поблагодарю свою чудесную жену Кэти. Двенадцать лет — а все чувства по-прежнему живы. Я люблю тебя.

Мне хотелось бы также поблагодарить своих пятилетних детей: Майлза, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну. Они — мои корни, а кроме того, неисчерпаемый источник веселья.

Ларри Кишбаум и Морин Иген всегда любили и поддерживали меня. Благодарю вас обоих. (P.S.: Ищите свои имена в романе).

Ричард Грин и Хоуи Сандерс, мои голливудские агенты, причем самые лучшие на свете. Спасибо, парни!

Дениз Ди Нови, продюсер «Послания в бутылке» и «Спешите любить», не только достигла высот в том, что делает, но и стала моим большим другом.

Скотт Швиммер, мой адвокат, заслуживает самой искренней благодарности, и я благодарю его от всего сердца. Вы — лучший.

Майкл и Кристин, мои брат и невестка. Я люблю вас обоих.

Я хотел бы также поблагодарить Дженнифер Романелло, Эми Батталья и Эдну Фарли — пиар-агентов, Флэга, который создает обложки моих романов; Кортни Валенти и Лоренцо Ди Бонавентуру из «Уорнер бразерз», Ханта Лоури из «Гэйлорд филмз», Марка Джонсона и Линн Харрис из «Нью лайн синема». Я здесь благодаря всем вам...

Пролог

Где же начинается эта история? В жизни так мало четко определенных «начал», тех моментов, когда мы, оглядываясь назад, можем точно сказать: это началось именно тогда. И все же есть минуты, когда судьба, пересекаясь с нашей повседневной жизнью, дает толчок последовательности событий, исход которых предвидеть невозможно.

Почти два часа ночи, а сна у меня ни в одном глазу. Улегшись в постель, я вертелся с боку на бок почти час, пока не сдался окончательно.

И вот теперь сижу за письменным столом, сжимая ручку и вспоминая о собственном столкновении с судьбой. Что же, ничего необычного. Последнее время, похоже, я только об этом и думаю.

Тишину в доме нарушает лишь мерное тиканье часов на книжной полке. Жена спит наверху, а я, глядя на разлинованную страницу блокнота, вдруг осознаю, что не знаю, с чего начать. Не потому, что сомневаюсь в достоверности истории... скорее не уверен в своем праве ее рассказывать. И чего можно добиться, копаясь в прошлом? Ведь события, которые я собираюсь описывать, происходили тринадцать лет назад, хотя на самом деле они начались еще за два долгих года до этого.

Но в душе я понимаю, что должен попытаться рассказать все. Хотя бы ради того, чтобы отделаться от назойливых мыслей и идти дальше.

Мои воспоминания о тех временах подкреплены дневником, который я вел с мальчишеских лет, моим собственным расследованием и, конечно, официальными отчетами. И еще тем обстоятельством, что я тысячу раз проигрывал в уме те самые события — события, запечатленные в памяти. Но только этих документов будет недостаточно. Есть другие документы и другие люди, и я был свидетелем не всех событий. Далеко не всех, а только некоторых. Понимаю невозможность воссоздать чувства, эмоции и мысли другого человека, но будь что будет: я попытаюсь...

Прежде всего это история любви, и, как множество таковых, история любви Майлза Райана и Сары Эндрюс уходит корнями в трагедию. Но в то же время это история прощения. Надеюсь, вы поймете всю глубину проблем, с которыми столкнулись Майлз Райан и Сара Эндрюс.

Думаю, вам откроется подоплека принятых решений, как верных, так и неверных, а заодно — и моих тоже.

И все же позвольте объяснить. Это не просто история Сары Эндрюс и Майлза Райана. Чтобы обратиться к истокам, надо вспомнить о Мисси Райан, школьной любви помощника шерифа маленького южного городка.

Мисси Райан, подобно своему мужу Майлзу, выросла в Нью-Берне. По общему мнению, она была добра и очаровательна. И Майлз любил ее всю свою сознательную жизнь. У нее были темно-каштановые волосы и глаза как вишни, и, как я слышал, она говорила с акцентом, от

которого слабели коленки у мужчин из других районов страны. Она охотно смеялась, внимательно, с интересом слушала собеседника и часто касалась его руки, словно приглашая стать частью своего мира. И, как большинство южанок, она была сильнее, чем казалась на вид. Это она, а не Майлз правила домом. И, как правило, друзья Майлза были мужьями подруг Мисси, и она жила своим домом и своей семьей.

В старших классах Мисси была чирлидером. На втором курсе высшей средней школы она, прелестная, милая девушка, была весьма популярна. И хотя, разумеется, знала Майлза Райана, но он был на год старше, и совместных занятий у них не проводилось. Однако это значения не имело. Их познакомили друзья, они стали встречаться во время перемен и обсуждать футбольные матчи. И наконец, договорились вместе провести уик-энд и отправились на вечеринку. Вскоре они уже были неразлучны, и к тому времени, когда он несколько месяцев спустя пригласил ее на школьный бал, оказалось, что к тому же и влюблены друг в друга.

Знаю, есть такие, которые презрительно фыркнут при упоминании о том, что и в столь юном возрасте существует любовь. Однако для Майлза и Мисси все именно так и было. И в каком-то смысле эта любовь оказалась сильнее, чем чувство, испытываемое людьми постарше, тем более что его не омрачали жизненные реалии. Они встречались, пока Майлз не окончил школу, а когда он поступил в колледж в Северной Каролине, оставались верны друг другу. Тем временем Мисси тоже окончила школу и, как и Майлз, поступила в университет Северной Каролины. Когда три года спустя, за обедом, он сделал ей предложение, она заплакала, сказала «да» и целый час провела на телефоне, обзва-

нивая родных и сообщая счастливую весть, пока Майлз в одиночестве доедал обед.

Майлз оставался в Роли*, пока Мисси не получила степень.

На их венчании в Нью-Берне церковь была заполнена до отказа.

Мисси получила работу в отделе кредитов «Ваковия-банка», а Майлз проходил обучение, готовясь стать помощником шерифа. Она была на втором месяце, когда он стал работать в округе Крейвен, патрулируя улицы, которые всегда были их общим домом. Как многие молодые пары, они купили свое первое жилище, а в январе восьмидесят первого родился их сын Джона. Стоило Мисси бросить взгляд на белоснежный сверток, из которого выглядывало красное личико, она поняла, что материнство — самое лучшее, что с ней могло случиться. Хотя Джона до полугода не спал по ночам и были моменты, когда ей хотелось заорать на него, так же как орал на нее он, все же Мисси любила сына больше, чем представлялось возможным.

Она была прекрасной матерью. Уволилась с работы, чтобы все время быть с Джоной, читала ему сказки, моллилась вместе с ним, водила в игровые группы. И могла часами наблюдать, как он резвится. К тому времени, когда Джоне исполнилось пять, Мисси поняла, что хочет второго ребенка, и они с Майлзом стали прилагать к этому все старания. Семь лет брака были самыми счастливыми в их жизни.

Но в августе 1986 года двадцатидевятилетняя Мисси Райан погибла.

* Столица штата Северная Каролина. — Здесь и далее примеч. пер.

И свет в глазах Джоны погас. Два года Майлз ходил сам не свой. Но смерть Мисси вымостила дорогу к тому, что произошло потом.

Итак, как я уже сказал, это история Мисси, равно как и история Майлза и Сары. Как и моя история.

Я тоже сыграл роль в том, что произошло.

Глава 1

Утром 29 августа 1988 года, через два года после смерти жены, Майлз Райан стоял на заднем крыльце дома, куря сигарету и наблюдая, как восходящее солнце медленно меняет цвет неба от жемчужно-серого до оранжевого. Перед ним расстилалась река Трент, солоноватые воды которой порой скрывали от глаз растущие по берегам кипарисы. Дым сигареты поднимался вверх, а сам Майлз физически ощущал, как растет влажность, сгущая и без того вязкий воздух.

Вскоре раздалась первые птичьи трели.

Мимо проплыла небольшая лодчонка. Рыбак махнул ему рукой, и Майлз слегка кивнул в ответ — на большее не хватило энергии. Ему срочно необходима чашка кофе. Немного яванского — и он готов встречать день: отвозить Джону в школу, держать в узде местных жителей, не признающих закон, рассылать извещения о выселении по всему округу, а также справляться с постоянно возникающими проблемами вроде сегодняшней встречи с учительницей Джоны. И это только начало. Днем, похоже, работы будет еще больше. Домашние дела казались бесконечными — оплата счетов, магазины, уборка, мелкий ремонт... Даже в те редкие моменты, когда у Майлза выдавалось немного свободного времени, он чувствовал, что нужно немедленно

этим воспользоваться, иначе будет поздно. Быстренько найти что почитать. Скорее расслабиться и отдохнуть хотя бы несколько минут. Закрыть глаза, хоть ненадолго, а то тебя скоро опять позовут.

Всего этого было довольно, чтобы вымотать кого угодно, но что тут поделать?

Ему редко хотелось кофе, да и курение больше не приносило удовольствия, и он подумывал отказаться от сигарет, хотя особого значения это не имело. По мнению Майлза, он в общем-то и не курил по-настоящему. Так, пара-тройка сигарет, подумаешь! Не по пачке же в день и не всю жизнь: начал после смерти Мисси и в любой момент может бросить. Но зачем себя утруждать? Черт, да у него здоровые легкие: только на прошлой неделе пришлось догонять магазинного вора, и он без труда схватил парнишку. Курильщику такое не по плечу! Но, нужно признаться, все дается далеко не так легко, как в двадцать два. Всего десять лет назад... но даже если ему сейчас тридцать два, это еще не значит, что пора подыскивать подходящий дом престарелых. Однако моложе он не становится. И остро это чувствует: в колледже они с приятелями начинали вечер в одиннадцать и гуляли всю ночь. За последние несколько лет, если не считать тех дней, когда он работал, подразумевалось, что одиннадцать вечера — уже поздно, и даже если спать не хотелось, он все равно ложился в постель. Не мог придумать достаточно веской причины, чтобы оставаться на ногах. Усталость навсегда вошла в его жизнь. Даже в те ночи, когда у Джоны не бывало кошмаров — после смерти Мисси мальчик иногда кричал во сне, — Майлз все равно просыпал-

ся по утрам, чувствуя себя... уставшим. Измученным. Вялым. Словно плыл под водой, не пытаясь преодолеть течение. Чаще всего он относил это на счет суматошной жизни, которую вел, но иногда гадал, уж не творится ли с ним что-то действительно неладное.

Где-то он читал, что одним из симптомов клинической депрессии является необъяснимая, беспричинная апатия. Правда, причина у него была...

Нет, в чем он действительно нуждается, так это в недолгом отдыхе в маленьком пляжном домике на Ки-Уэст, где может удить палтуса или просто лежать в покачивающемся гамаке с банкой холодного пива. И никаких проблем важнее той, надеть ли сандалии, когда идешь на пляж в компании хорошенькой женщины.

Вот еще одна беда. Одиночество. Он устал быть один, просыпаться в пустой постели. И ощутил это совсем недавно. В первый год после смерти Мисси Майлзу в голову бы не пришло, что можно полюбить другую женщину. Вообще никогда. До конца жизни. Как будто потребности в женском обществе вообще не существовало, словно желание, вожделение и любовь оставались всего лишь теоретическими возможностями, не имевшими никакого отношения к реальному миру. Даже после того как его постигли шок и скорбь, достаточно сильные, чтобы рыдать от тоски по ночам, в его жизни, казалось, не доставало чего-то важного, словно он сбился с пути, но скоро опять выйдет на прямую дорогу, так что волноваться особенно не из-за чего.

Большинство привычных вещей совсем не изменились после похорон: счета продолжали поступать, Джо-ну нужно было кормить, газон — стричь. Ему по-прежнему приходилось работать. Однажды, когда они нака-

чались пивом, Чарли, его лучший друг и босс, спросил, каково это — потерять жену, и Майлз честно ответил, что совсем не ощущает потери. В его представлении Мисси вовсе не умерла, а скорее уехала с подругой на уик-энд, и оставила мужа присматривать за Джоной.

Шло время, и вместе с ним растворялось душевное онемение, к которому он уже привык. В его существование неумолимо вторгалась реальность. Но как бы Майлз ни хотел начать новую жизнь, он каждый раз обнаруживал, что всеми мыслями там, в прошлом, с Мисси. Все, казалось, напоминало о ней, особенно Джона, который с годами все больше походил на мать. Иногда, стоя в дверях и глядя на сына, которого только что уложил в кровать, Майлз видел знакомые черты жены.

И поспешно отворачивался, чтобы мальчик не заметил его слез. Но образ стоял перед глазами до самого утра. Он так любил смотреть на спящую Мисси: длинные каштановые волосы разметались по подушке, рука неизменно заведена за голову, губы слегка приоткрыты, грудь мерно вздымается. А ее запах... то, чего Майлз никогда не забудет. В первое рождественское утро после ее смерти, сидя в церкви, он уловил легкий аромат духов, которыми обычно пользовалась Мисси. Он вцепился в боль как утопающий — в соломинку, и баюкал ее, пока не кончилась служба.

Он дорожил и другими мелочами. Когда они еще только поженились, то часто ходили на ланч в маленький ресторанчик «Фред и Клара», напротив банка, где работала Мисси. Он был в стороне от шумных улиц, тихий, и уютная атмосфера каким-то образом заставляла их еще больше увериться в том, что между ними ничего и никогда не изменится.

После рождения Джоны они бывали там нечасто, но Майлз снова стал туда захаживать после смерти жены,

словно в надежде обрести следы тех чувств, которые все еще таились в обшитых панелями стенах. Дома он тоже жил по установленным Мисси правилам. Как и она, делал покупки в бакалейной лавке вечером по четвергам. Поскольку рядом с домом Мисси выращивала томаты, Майлз сохранил все грядки. Мисси считала «Лизол» универсальным чистящим средством для кухни, и Майлз не видел причины пользоваться чем-то другим. Мисси всегда была рядом. Во всем, чем бы он ни занимался.

Но прошлой весной что-то изменилось. Неожиданно. И все же Майлз почувствовал это сразу. Направляясь в старую часть города, он поймал себя на том, что не сводит глаз с молодой пары, идущей по тротуару рука об руку. И на какое-то кратчайшее мгновение представил себя на месте мужчины, рядом с которым идет эта женщина. А если не она, значит, другая... которая любит не только его, но и Джону. Та, которая способна заставить его смеяться, с кем можно разделить бутылку вина за праздничным обедом, та, которую можно обнять, прижать к себе и тихо шептать нежности, после того как погашен свет...

Такая, как Мисси...

Всплывшее в памяти лицо мгновенно дало толчок угрызениям совести и сознанию вины, достаточно сильным, чтобы выбросить из головы молодую пару. Навсегда.

Вернее, так он тогда думал.

Позднее, той же ночью, лежа в постели, он снова вспомнил о них. И хотя угрызения совести и сознание вины вместе с ощущением собственного предательства никуда не делись, они уже были не так сильны, как прежде. И в этот момент Майлз понял, что сделан первый,

хотя и крошечный, шаг к примирению с ужасной потерей.

Он начал приспосабливаться к новой реальности, сказав себе, что теперь стал вдовцом, и питать подобные чувства вполне естественно, и ни один человек его за это не осудит. Никто не ожидал, что остаток жизни он проведет в одиночестве. А за последние несколько месяцев друзья не раз предлагали устроить ему свидание. Кроме того, он знал, что Мисси хотела бы видеть его женатым. Однажды она так и сказала. Как большинство супружеских пар, они любили играть в игру «Что, если», и хотя никто из них не ожидал, что случится нечто ужасное, оба считали, что Джона не должен расти в неполной семье. Кроме того, это плохо для оставшегося в живых супруга. И все же, казалось, прошло слишком мало времени...

По мере того как тянулось лето, Майлза все чаще и настойчивее стали посещать мысли о том, чтобы найти себе женщину. Мисси по-прежнему была здесь, и всегда будет здесь... и все же Майлз стал более серьезно подумывать о той, с кем можно разделить жизнь. Глубокой ночью, укачивая Джону в кресле-качалке — единственное, чем можно было вывести его из очередного кошмара, — он все смелее мечтал об этом. И в его представлении действие всегда развивалось по одному сценарию. «Возможно, стоило бы найти», сменилось на «возможно, стоит найти», а потом и «следовало бы...». Но на этом месте, как бы он ни желал обратного, мысли возвращались к «возможно, нет смысла...»

Причина таилась в его спальне.

На полке в раздувшейся от бумаг картонной папке хранилось досье о гибели Мисси. То, которое он собрал сам за время, прошедшее с похорон. Майлз всегда держал папку здесь, чтобы не забыть, что случилось.

Чтобы папка напоминала о деле, которое так и не было завершено.

Напоминала о его провале.

Через несколько минут, затушив сигарету о перила и войдя в дом, Майлз налил себе кофе и отправился к сыну. Заглянув в комнату, он увидел, что Джона еще спит. Вот и хорошо, у него есть немного времени.

Майлз пошел в ванную и включил душ. Прежде чем пошла вода, в трубе что-то долго шипело и шуршало. Майлз вымылся, побрился, почистил зубы, провел расческой по волосам, снова заметив, что их вроде бы стало меньше, чем прежде. Но сейчас не до этого!

Он поспешно натянул форменный мундир и пристегнул кобуру, хранившуюся обычно в сейфе над дверью спальни. В комнате Джоны слышались обычные утренние шорохи. На этот раз, когда Майлз зашел, мальчик глянул на отца припухшими со сна глазами. Он все еще сидел в кровати. Лицо недовольное, волосы растрепаны: очевидно, проснулся не более пяти минут назад.

— Доброе утро, чемпион! — улыбнулся отец.

Джона, как в замедленной съемке, приподнял голову.

— Привет, па.

— Готов к завтраку?

Джона потянулся и громко зевнул.

— А блинчики можно?

— Как насчет вафель? Мы немного опаздываем.

Джона поспешно схватил штанишки, выложенные Майлзом из шкафа еще накануне.

— Ты каждое утро это твердишь.

— А ты каждое утро опаздываешь, — пожал плечами Майлз.